

Затем Август представил Барани Рафаэлю, и тот стал для него настоящей находкой. Ничто не могло стать лучшей рекламой, чем теоретические знания эксперта. Разумеется, при условии, что Барани действительно станет таким известным специалистом. У него была солидная теоретическая база, не хватало лишь громкой победы, чтобы прославиться. А создать ажиотаж для Рафаэля было проще простого.

Рафаэль и раньше задумывался о том, чтобы найти подходящего человека и сделать его знаменосцем своих идей. Но его теории были настолько передовыми, что в нынешние времена их сочли бы безумными — как если бы кто-то во времена геоцентризма стал утверждать, что центром мироздания является Солнце.

У Рафаэля имелось множество средств для пропаганды, но ему не доставало учёного-медика, который поверил бы в его идеи.

А Август, чьи таланты целиком лежали в сфере везения, пусть и не блистал взрослой рассудительностью или эмоциональной зрелостью, зато уже встретил своего Коперника в области медицины — человека, готового бросить вызов традициям, даже если за это могли сжечь на костре.

Он восполнил самую недостающую деталь, и теперь они стали единым целым.

Впервые в жизни Рафаэль почувствовал искреннюю, ничем не омрачённую радость. Он не смог сдержаться, подхватил Августа на руки, вдохнул его молочный запах и крепко прижал к себе, словно не собирался когда-либо отпустить.

Лицо старого дворецкого стало мрачным, как туча.

Посланник педофилов так и не явился, но граф Марч, заменивший его, оказался ничуть не лучше! Нужно любой ценой запретить этому человеку приближаться к их герцогу ближе чем на сотню ярдов!

****Примечание автора:**** Отвратительная канализационная система была одной из главных причин частых эпидемий в Средние века. Чтобы что-то изменить, нужно было начинать с корней. Исторически Лондон лишь в XVIII–XIX веках, под давлением обстоятельств, наконец обратил на это внимание. И даже... создал специальную Королевскую комиссию.

То, что длинноногий дядя считал обычными объятиями, для коротконового племянника было настоящим «поднятием на руках».

Просто отравля!

Ощущение невесомости заставило Августа инстинктивно вцепиться в ближайшую опору — в шею Рафаэля, — будто он мог существовать лишь благодаря ему, будто он отчаянно в нём нуждался и не мог без него обойтись.

Неизвестно, что именно в этом жесте задело Рафаэля за живое, но с каждым днём старый дворецкий всё сильнее сдерживался, чтобы не нарушить субординацию и не накричать на графа. Каждый раз, встречая Августа, Рафаэль непременно поднимал его, целовал в щёки и руки, а порой даже кружил на месте. На отполированном до блеска мраморном полу они кружились, словно в вальсе; окружающий мир расплывался в головокружительном вихре, и лишь лицо перед глазами оставалось чётким.

Чёрные, ниспадающие на плечи волосы, холодные, дымчато-серые глаза, резкие, словно

высеченные черты лица, ослепительная красота. Ему не нужно было ничего делать — стоило лишь появиться, и он уже становился живым произведением искусства, которое ни у кого не повернулась бы рука разрушить.

«Шедевр» прижимал к себе маленького герцога, мягкого, как тряпичная кукла: «Так бы и съел тебя целиком».

«!!!» Как можно так запросто высказывать такие жуткие вещи? Маленький герцог был в ужасе.

А потом Август проснулся. Кружение действительно имело место, а вот слова о том, что его хотят съесть, оказались частью странного сновидения.

Даже без вмешательства старого дворецкого Август сам начал сторониться Рафаэля, словно чумы.

Причиной был не тот самый «ядовитый» жест, а письмо, которое он припрятал, — письмо, на котором чётко значилось: «Рафаэлю Мортимеру».

Отправителем был отец Августа, Чёрный Принц Вильгельм III.

Послание Чёрного Принца к сыну прибыло в замок Бристоль вместе с письмом для Рафаэля. Старый дворецкий положил свёрнутый в трубку пергамент рядом с завтраком, в паре с цветами, только что срезанными в оранжерее.

Длинное, похожее на свиток письмо источало запах чернил. На сургуче красовалась личная печать Чёрного Принца, а к нему была привязана — что совсем уж по-девичьи — фиолетовая шёлковая ленточка бантиком.

Глядя на это, можно было подумать, что письмо писала мать или сестра!

Содержание письма, как и характер самого Чёрного Принца, было исполнено неугомонной, гиперактивной энергии. Почерк — размашистый, содержание — причудливое, лексика и грамматика — более «свободные», чем у его восьмилетнего отпрыска. Оно состояло из бытовых мелочей с поля боя, лишённых всей крови и жестокости. Никто бы не подумал, что в теле Чёрного Принца — шести футов и двух дюймов росту, крепком, как скала, — обитает такая болтливая душа. Он мог исписать сотни слов, описывая простой фиолетовый полевой цветок, встреченный на обочине, и все мысли, которые тот у него вызвал.

Пусть Чёрный Принц и был словоохотлив, Август всё равно радовался каждому его письму, ведь между строк сквозило нечто по имени «любовь».

Хотя Чёрный Принц и не мог быть рядом с сыном, он изо всех сил старался сделать так, чтобы Август чувствовал себя частью его жизни.

Прочитав письмо, Август обнаружил, что его папа-болтун любит писать не только ему, но и своему брату, о котором лучше помалкивать. Длинный пергамент был испещрён наставлениями старшего брата и, если смотреть сбоку, казался даже чуть толще, чем письмо к Августу. Но по-настоящему встревожило мальчика содержание: процентов на восемьдесят отец хвастался им.

Например, его внезапной одержимостью восточной культурой или же разительной переменой, произошедшей с ним.

А если сопоставить это с тем, что Август всё это время скрывал от Рафаэля...

...разоблачение становилось вопросом ближайших минут.

Судьба шлёпнула Августа по лицу всей своей чёрной злобой — в отместку за тот день, когда он показал ей средний палец. Судьба — та ещё стерва: проявляешь энтузиазм — она холодна; становишься холодным — она холоднее. В общем, она всегда холоднее.

Если бы Рафаэль не задержался той ночью по делам, то на следующее утро Августу пришлось бы столкнуться не с пугающей отцовской «любовью», а с настоящим адом после разоблачения.

К счастью, Рафаэль не вернулся.

«Вы не получали письма от отца для Рафаэля, ясно?» — невозмутимо заявил Август в присутствии абсолютно преданных старого дворецкого и камердинера, пряча письмо Рафаэля в потайной шкафчик за тумбочкой.

Этот шкафчик был средневековым прообразом сейфа, и в нём хранились самые ценные сокровища Августа: прядь каштановых волос матери и все письма отца.

Старый дворецкий и камердинер опустили глаза, не собираясь высказывать никаких мнений насчёт того, как их господин нарушает чужую приватность и пытается скрыть письмо. Более того, старый дворецкий даже «помог» советом: а не сжечь ли письмо, чтобы уничтожить все следы раз и навсегда?

Вот к чему приводит ситуация, когда верные слуги растят влиятельного ребёнка, — редко какой из таких детей не становится испорченным.

Август долго раздумывал, но в итоге отказался. Однако он всё же чувствовал себя немного виноватым и хотел снова отдалиться от Рафаэля, вернувшись к изначальным, сугубо «учебным» отношениям.

Честно говоря, интерес Рафаэля к успехам Августа в учёбе уже давно перешёл все границы. Как пекинцы любят спрашивать «Вы поели?», так Рафаэль при встрече с Августом всегда с улыбкой осведомлялся: «Уроки сделал? Раз есть время смотреть на тренировки рыцарей, значит, заданий маловато?»

Август невольно вспомнил ужас перед экзаменами и родительскими собраниями, который терзал его в прошлой жизни, когда была жива мать.

Ему даже пришла на ум шутка из микроблога — переделанная клятва Ночного Дозора: «Грядёт сессия. Отныне я обречён на учёбу. Не прервусь до последнего зачёта. Забуду про гулянки, ночные бдения и сериалы. Отрекусь от удовольствий и плотских утех. Обреку себя на лишения. Стану статуей в библиотеке, призраком в читальном зале. Буду будить рассвет и жечь полночную лампаду. Не оторву взора от учебников, не утолю жажды знаний. Отдам жизнь и надежды сессии. Ныне и присно».

И затем он сам же и развеселился.

<http://bllate.org/book/15929/1423849>